

Первое апрѣля. Комическій иллюстрированный
альманахъ, Сп-бург, 1846, въ тип. Крайя, въ 12,
стр. 144 // Библіотека для чтенія. 1846. Т. 76. № 5. Май.
С. 15-23.

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ. Комическій иллюстрированный альманахъ: Сп-бургъ, 1846, въ тип. Крайя, въ 12, стр. 144.

Книжка — такъ-себѣ ничего, пустячки, побасенки, вздорецъ — какъ выражаются сами издатели въ своемъ вступленіи; противорѣчить имъ въ этомъ случаѣ нѣтъ никакой надобности; да и зачѣмъ оспаривать мнѣніе этихъ господъ. Коли вздорецъ, такъ вздорецъ; тутъ и говорить печего. Книга сама за себя стоитъ; это и по заглавію видно. Всѣмъ извѣстно, что первое Апрѣля, на русскомъ языкѣ, значитъ собственно, — вотъ подождите я васъ немножко, того, — и издатели, которые повидимому, очень хорошо знаютъ русскій языкъ, дѣйствительно немножко, того. За это сердиться на нихъ нельзя; они поступили добросовѣстно; они сами сказали, что все это такъ-себѣ, ничего, сущій вздоръ. Но въ этой книгѣ есть еще и другія вещи, за которыя можно и должно сердиться — и объ этихъ вещахъ, я намѣренъ, о читатели, вести съ вами подробную бесѣду.

Мудрые читатели! Вы, которые все читаете, давно читаете, безпрерывно и неутомимо читаете, замѣтили ли вы, какой странный переворотъ совершился въ нашей литературѣ въ послѣднее пятнадцатилѣтіе? Вспомните хорошенько, какъ говорила, какъ вела себя русская литература лѣтъ пятнадцать тому. Она говорила важно, какъ начальникъ отдѣленія, расхаживала мѣрною поступью старшаго учителя гимназій; не иначе выѣзжала въ люди, какъ въ благолѣпномъ чепцѣ риторика и, въ людяхъ, дулась превеликолѣпно, пѣяснялась праздничными фразами и рѣдкими словами; по воскресеньямъ вела рѣчь *высокими слогами*, а въ будни *чистыми слогами* и *правильными слогами*, то есть; если я не ошибаюсь, *средними слогами*, — всѣ эти названія, вы знаете, нынче порядочнымъ людямъ непонятны, — улыбнуться, пошутить, — упаси Господи! Этакого содому, азарту, русская литература никогда себѣ не позволяла — ругнуть бывало, — пожалуй! — Зачѣмъ не ругнуть своего брата, ради потѣхи читательской? — ругать она

всегда была готова, и при этой okazji — okazia такая была тогда свою вывѣску, на которой крупными литерами было написано: АНТИКРИТИКА — и при этой okazji случилось ей, русской литературѣ, сказать иногда *острое слово* — но и *острое слово* (родъ тупаго ножа который вышелъ теперь изъ употребленія, за ветхостью), даже и *острое слово* произносила она безъ улыбки, съ удивительной важностью, которая теперь совершенно потеряна: сказавъ *острое слово*, она краснѣла, извинялась и оговаривала его искусной своей фразой «*какъ говорится*». Отъ времени до времени я и теперь еще встрѣчаю эту искусную фразу у людей, которые говорить не умѣютъ. Такова была тогда русская литература, — чинно — важно — великолѣпно — на вытяжку — всѣ пуговицы застегнуты, до подбородка — и горе тому, кто засмѣется! Вдругъ, ни вѣсть какимъ образомъ, все это рушилось: пришелъ человекъ, съ улыбкой и шуткой, и нѣсколькими страницами опрокинулъ весь этотъ прекрасный порядокъ, начался, въ русской литературѣ, смѣхъ, хохотъ, шумъ, остроуміе — пошелъ градъ шутокъ — поднялась мятель потѣхи. Съ легкой руки барона Брамбеуса, для котораго, какъ доказано, все — шутка, въ пятнадцать лѣтъ перебивали у насъ всѣ роды остроумія — остроуміе русской литературы не было ничего на свѣтѣ, въ эти годы — просто *чортъ знаетъ* что за остроуміе! — да! *Чортъ его знаетъ*: мы изъ остроумія, и остроумія ради, дошли до *чортъ его знаетъ*! — и пошла писать! — и даже не прибавляемъ теперь: «*какъ говорится*». Чтѣ прикажете дѣлать, разошлись! Одного только роду остроумія у насъ не было до нынѣ — и слава Богу! — чтѣ за странный родъ остроумія! Примѣрно сказать, вы, мы, онъ или я, скажемъ чтѣ-нибудь очень умное, мудрое, достойное удивленія: это вѣдь со всякимъ изъ насъ можетъ случиться! кто не грѣшенъ! Вдругъ, Петръ Ивановичъ такой-то, да Иванъ Петровичъ нѣкто, берутъ наше умное, мудрое, удивительное, выворачиваютъ вверхъ ногами, преуменьшаютъ въ одномъ мѣстѣ, преувеличиваютъ въ другомъ, и — пожалуйста сюда! — у насъ-де есть отличное остроуміе — не угодно ли посмѣяться? — смѣйтесь, ради Бога! — и всѣ смѣются. Словомъ сказать, разбой! Послѣ этого никакая литературная слава не можетъ быть въ безопасности; послѣ этого нельзя ничего писать, не стѣнитъ имѣть ни языка, ни слогу — сейчасъ эти остроумные зловредные господа станутъ васъ передразнивать и передѣлывать по-своему. Мирному гражданину нельзя выдумать ничего умнаго, чтѣ бы они, выворотивъ на изнанку и раздувъ до-нельзя, не сдѣлали для себя изъ *онаго*

умнаго чого-нибуда остроумнаго. Чтò жь это за метода? Чужой умъ перегонять въ свое остроуміе! Дѣло по моему разумѣнію, совершенно невозможительное и требующее поступленія по всей строгости заковъ негодованія. Это называется «пародія». Дѣло тѣмъ ужаснѣе, что сказанные господа берутъ у васъ, безъ спросу, все удивительное, чтобы раздувать это въ огромные пузыри для всеобщаго увеселенія; а захотѣте отмытить имъ тѣмъ же? — взять у нихъ чтò-нибудь удивительное? — не тутъ-то было! голъ! ничего нѣтъ! — дуйте въ нихъ, сколько угодно — ничего не выростетъ — и смѣяться не надъ чѣмъ! Разореніе, обида! не знаешь, куда дѣваться отъ остроумія! Вы помните, зтотъ миленькій, уменьшительный таланчикъ, который, для начала, сочинилъ вамъ романчикъ, подъ названіемъ «Бѣдные люди». Нѣкогда, тоже для начала, сочинилъ онъ еще кое-чтò, именуемое «Похожденія господина Голядкина». Посмотрите, какъ его бѣдный умъ наши пародисты передѣляли себѣ въ великолѣпное остроуміе.

« — Чтò жь? служилъ я не хуже другихъ, не хуже другихъ, сударь ты мой, въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ, зложелателей, благодаря Всевышняго, не имѣю.... подалъ въ отставку.... ну, чтò жь? Вышелъ случай такой, съ кѣмъ не случается?... просто случай вышелъ такой.... Такъ вотъ оно хорошо было бы публиковать, что вотъ-де чиновникъ съ одобрительными аттестатами, титулярный совѣтникъ, — я думаю даже не худо будетъ выставить: имѣющій такіе-то и такіе-то знаки отличія.... хорошій чиновникъ-дескать, благонадежный чиновникъ, ищетъ мѣста управляющаго имѣніемъ, преимущественно въ малороссійскихъ губерніяхъ, на выгодныхъ-дескать, для владѣльца условіяхъ.... Да! да! Въ малороссійскихъ губерніяхъ лучше — климатъ теплѣе, да и народъ-то по-проще.... народъ-то по-проще, вотъ оно чтò, главное дѣло, сударь ты мой, народъ-то по-проще, вотъ она штука-то какая! А поди-ка, сунулся въ костромскую, въ ярославскую.... ухъ! шельма на шельмъ! Всякій мужикъ туда же грамотѣ знаетъ и на каждомъ синій армякъ.... на каждомъ на шельмецъ-то синій армякъ, вотъ оно чтò, вотъ она штука-то какая, вотъ она какая штука-то! Избалованныя губерніи! Нѣтъ, вотъ бы гдѣ-нибудь въ малороссійскихъ, при мѣрно въ полтавской; три, четыре тысячонки душъ, съ мельницами, съ фруктовыми садами, со всѣми угодами, съ господскимъ строеніемъ; а баринъ-то себѣ гдѣ-нибудь за тридевять земель, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Парижѣ.... а баринъ-то

«себѣ въ Москвѣ, а баринъ-то въ Петербургѣ, а баринъ-то себѣ въ Парижѣ, баринъ то себѣ за тридцать земель, какъ въ сказкѣ говорится, какъ въ русской-то сказкѣ сказывается.... Ухъ! раздолье-то! раздолье....» Тутъ Петръ Ивановичъ потеръ руки отъ удовольствія, потому что уже, въ самомъ дѣлѣ, почувствовалъ себя управляющимъ такого имѣнія, — на что русскій человѣкъ очень скоръ.... «Да, только та бѣда, продолжалъ онъ, вдругъ опомнившись, и вновь совершенно опѣшавъ, какъ человѣкъ, съѣвшій муку: Да, только та бѣда, что никто не возьметъ, за фамилію ни кто не возьметъ.... Управляющій! ужъ въ одномъ словѣ сейчасъ слышится Нѣмецъ, какой-нибудь Карлъ Ивановичъ Бризенмейстеръ, или еще по мудренѣй, такъ, чтобы мужикъ и подумать не смѣлъ выговорить, какъ слѣдуетъ, чтобы у него языкъ поперегъ глотки сталъ. Вѣдь вотъ, будь нѣмецкая фамилія, хоть подобіе нѣмецкой фамиліи будь.... а то — Блиновъ! на вотъ тебѣ въ самый ротъ — блиновъ! горячихъ блиновъ! подавись!...» И здѣсь герой нашъ въ первый разъ въ жизни пожалѣлъ, что у него русская фамилія, чему онъ сорокъ лѣтъ слишкомъ постоянно былъ радъ, и даже благодарилъ Бога, что и оканчивается она на *овъ*, а не на *скій*. «Да, опять и то, продолжалъ размышлять нашъ герой: осанки такой не имѣю, осанки, соотвѣтствующей званію управителя не имѣю, вотъ она, какая бѣда, вотъ она бѣда-то какая надо мной горемычнымъ: осанки, соотвѣтствующей званію, не имѣю, — не имѣю осанки званію управителя соотвѣтствующей, совсѣмъ осанки такой не имѣю. Нашъ братъ и смотреть-то, какъ-будто все чего-то боятся, и идетъ-то, какъ-будто просить прощенія у половиковъ, которые недостойными ногами своими попираетъ, и въ лицѣ такое подобострастіе, такое подобострастіе, что и сказать нельзя, никакъ нельзя сказать, не достанетъ словъ, какъ говорится въ хорошемъ слоgѣ, на языкѣ человѣческомъ.... вотъ оно что! вотъ оно какое дѣльцо-то! вотъ оно дѣльцо-то казусное какое! Ну, ужъ извѣстно: по какой части пойдешь, съ тою и степень значенія въ лицѣ своемъ соразмѣряешь.... степень-то значенія съ положеніемъ своимъ въ свѣтѣ соразмѣряешь.... А тутъ надобно, чтобы орломъ глядѣлъ человѣкъ; чтобы на лицѣ было написано, что ему и чортъ не братъ, чтобы дѣйствовалъ смѣло, рѣшительно, на открытую ногу дѣйствовалъ бы, и умѣлъ бы этакъ съ откровенностью, не лишенною благородства, и словцо-то вѣрное кстати пригнуть, ну и тамъ что другое.... Вотъ оно что! Чтобы какъ выйти, да заговорить ломаннымъ

«своимъ языкомъ», такъ чтобы мужикъ на него и взглянуть не смѣлъ, а только бы кланялся въ поясъ, да говорилъ: «Слушаю батюшка, Карлъ Ивановичъ!»... Нѣтъ, гдѣ нашему брату!... Развѣ ужъ заняться хожденіемъ по дѣламъ....» Но и хожденіе по дѣламъ оказалось неудобнымъ. Думалъ, думалъ Петръ Ивановичъ, и покончилъ тѣмъ, что какъ ни вертись, службу оставить не выгодно, разорительно, словомъ, неблагоприятно во всѣхъ отношеніяхъ. И такъ, скрѣпя сердце, рѣшился онъ идти въ департаментъ. Будь, чтò будетъ! Можетъ и никакой бѣды нѣтъ, можетъ ему только такъ показалось, а въ-сущности ничего! Наконецъ онъ даже дошелъ до заключенія, что можетъ-быть оно даже и хорошо, что начальникъ его увидѣлъ на улицѣ, пожалуй, чтѣмъ чортъ не шутить — примутъ участіе, вспоможеніе одновременное дадутъ.»

Другіе мирные граждане, которые пишутъ стихи à la Heine, отлично умные люди, сдѣлались тоже жертвой такой же остроумной свирѣпости раздувателей чужаго ума для смѣху. — Стихи à la Heine? вы спрашиваете, чтò такое стихи à la Heine? — Какъ! вы этого не знаете? Да это самая удивительная вещь, самые умные стихи, какіе только существуютъ или существовать будутъ! Я васъ научу сейчасъ писать стихи à la Heine... Сущность поэзіи состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы свести какіе-нибудь два предмета, между которыми нѣтъ никакого отношенія, ни внутренняго, ни вѣшняго, напримѣръ: Вы говорите по-французки? — Нѣтъ, не говорю; вотъ у меня есть пріятель, который очень не дурно играетъ на скрипкѣ. — Такова сущность Гейневой поэзіи, которая теперь у насъ въ большой модѣ въ стихотворномъ мірѣ. Переложите этотъ разговоръ въ стихи, будутъ à la Heine. У насъ есть нынче неподражаемые поэты въ этомъ родѣ. Называть ихъ по именамъ я не стану: имена всё знаменитыя, извѣстныя свѣту. Зачѣмъ и называть умныхъ людей, которыхъ всѣ знаютъ? Вообразите же теперь, какъ обидно поступаютъ съ ними пародисты! Я приведу вамъ только одно маленькое стихотвореніе, состряпанное ими à la Heine:-

«Съ цвѣткомъ въ рукѣ, блѣдна и одинока,
Облокотясь спиною о роуль,
Она сидѣла... Взоръ ея глубокой
Пронзительно впивался въ мракъ и даль,
И странная кака-то улыбка
Зигзала по трепетнымъ устамъ.
И всюду тишь... лишь въ отдаленн тамъ,
Качался чолнъ на влагѣ мутно-зыбкой...»

Это безсовѣстно! А признаться, я самъ началъ было-уже писать стихи въ знаменитомъ родѣ Гейне. Эта поэзія мнѣ ужасно нравится: пиши что вздумается; содержанія не нужно; даже главное дѣло въ томъ, чтобъ его вовсе не было.... Вотъ стишочки, и, кажись, презрядные, которые написалъ я недавно и только-что собрался напечатать:

«Она одна стояла у окошка,
Глаза ея смотрѣли такъ свѣтло;
По ветхой крышкѣ пробиралась кошка,
И солнышко по старому некло;
Собака выла; пролетѣла мошка
И крылышкомъ ударилась въ стекло —
А я глядѣлъ на Первое Апрѣля
И тихо думалъ: что за пустомедя!»

Но какъ теперь печатать! Пожалуй какъ-разъ и мои стихи эти господа раздуютъ такъ, что всѣ станутъ кататься со смѣху. Чего добраго ждать мнѣ, когда они принялись и за — за кого вы думаете? — за Владиміра Андреевича Бенедиктова!!! Да въдь это — ужасъ! Нѣкто синьоръ Владиміръ Бурнооковъ принялся за него, и вотъ что сдѣлалъ:

РЕВНОСТЬ.

«Есть мгновенія думъ упорныхъ,
Разрушительно-тлетворныхъ,
Мрачныхъ, бурныхъ, адски-черныхъ,
Сихъ — опасныхъ какъ чума —
Расточительницъ несчастья
Вѣстницъ зла, воровокъ счастья
И гасительницъ ума!...

Вотъ въ неистовствѣ разбоя
Въ грудь вломилась, яро-воля —
Все вверхъ дномъ! И цѣлый адъ
Тамъ, гдѣ часъ тому впадалъ
Яркимъ, радужнымъ алмазомъ
Пламенѣлъ твой свѣточъ, разукъ!
Гдѣ добро, любовь и миръ
Пировали честный пиръ!

Адъ сей... Въ конѣ нзъ земнородныхъ
Отъ степей и нивъ бесплодныхъ,
Сихъ отчаянныхъ краевъ,
Полныхъ хлада и сѣгровъ —
Отъ Камчатки лдяно-реброѣ,
До береговъ отчизны доброй, —

Въ комъ онъ бурно не кипѣлъ?
 Кто его — страстей излѣтый,
 Безсердечіемъ богатый --
 Не возчествовать посмѣлъ?..
 Ахъ сей... Ревностью онъ кинутъ
 Въ душу смертнаго. Раздвинуть
 Для него широкій путь
 Въ человѣческую грудь!
 Онъ градеть съ огнемъ и трескомъ,
 Онъ ласкательно являть,
 Все мнимыя кровавыя блескомъ
 Обольеть — и превратить
 Міръ — въ тень, радость — въ муку,
 Счастье — въ скорбь, веселье — въ скуку,
 Жизнь — въ кладбище, слезы — въ кровь,
 Въ адъ и немаясть — любовь!

Положить чувствъ огненпалющихъ,
 Вопиющихъ и томящихъ,
 Проживать челоѣкъ
 Въ страшный нигъ тотъ — цѣлый вѣкъ!
 Вѣнчанъ терніемъ, не ширтомъ
 Молить смерти — смерть бы — рай!
 Но отчаянія спиртомъ
 Налить черепъ черезъ край.
 Рай душъ его смятенной —
 Разрушать и проклинать,
 И кинжаловъ всей вселенной
 Мало ярость напирать!!..

Разбой! чистый разбой! Раздуваютъ васъ такъ, что можно лопнуть отъ смѣху. Нѣтъ безопасности ни для какого ума, ни для чего бы то ни было великаго и удивительнаго. Чтѣ видя, Владиміръ Андреевичъ Бенедиктовъ принялъ свои мѣры. Я нахожу ихъ въ высшей степени благоразумными. Вы знаете, какъ удивительно Владиміръ Андреевичъ воспѣваетъ *кудри, перси, очи*. Никто, рѣшительно никто, не воспѣваетъ кудрей, персей и очей такъ очаровательно, какъ Владиміръ Андреевичъ. Изъ кудрей (со включеніемъ косы), онъ создалъ особенную поэтическую науку, которую нынче въ его стихотвореніяхъ усердно изучаютъ раціональные парикмахеры: кудри — нечего сказать — онъ описываетъ кудри такъ хорошо, какъ-будто самъ ихъ выдумалъ. Перси. — о персяхъ я и говорить не стану — извѣстно, что Владиміръ Андреевичъ первый открылъ перси, вещь чудесную, которой до него никто не видывалъ и которыя описалъ онъ на тысячу сто

манеровъ, одинъ блистательнѣе другаго. Очи — ну, очи, вы знаете, какъ великолѣпны въ его стихахъ. Господа раздуватели вздумали вдругъ раздувать перси, кудри и очи Владиміра Андреевича, алмазы нашей поэзіи передѣлывать въ мыльные пузыри. Возможно ли это! позволительно ли это! Но Владиміръ Андреевичъ принялъ свои мѣры. Онъ огородилъ совершенно свои гимны въ честь кудрямъ, персямъ и очамъ отъ посягательства коварныхъ народистовъ: онъ написалъ такую штуку!... такую вещь.... ну, просто сказать, такую, чтобы дуя и во сто трубъ вдругъ, нельзя было раздуть ее ни на волосокъ больше. Вотъ какую штуку; она помѣщена въ «Новосельѣ» — штука-то называется — *Три искушенія*.

«Въ дни пылкой юности, въ разгулѣ бытія,
Я зналъ три габели, — зналъ три предмета я
Всесокружительныхъ: то очи огневья,
Да кудри темныя, да перси наливныя,

Тѣ очи.... небо въ нихъ являлось; но оно
Въ днѣ черныхъ радугъ бровей облечено,
Сокрывъ свою лазурь и яркій блескъ денницы
За облаками въждъ, за иглами рѣсницы,
Подъ сводомъ гордаго, лелейнаго чела —
Мрачилося, гнѣвное; таинственная игла,
Но прихоти, мгновенно покрывала,
Струила дождь и градъ, и молніи метала.

Тѣ кудри черныя... ихъ страшно вспомнить!
Тѣ кудри.... цѣлый міръ въ нихъ могъ бы утонуть.
Когда бъ онѣ съ главы упали вдругъ разлиты
И бурей взвѣяны, — извиты, перевиты,
Какъ змѣи лютыя, онѣ вилась, черны,
Какъ ковы зависти, какъ думы сатаны.
Та черная коса, тѣ локоны густые,
Ихъ волны, пряди ихъ и кольца смоляныя,
Когда бъ раскинуть ихъ, казалось бы, могли
Опутать, окружить, обвить весь шаръ земли,
И цѣлая земля явилась бы черницей,
Въ глубокомъ траурѣ, покрыта власяницей.

Тѣ перси юныя.... о! то былъ дивный край,
Гдѣ жили свѣтъ и кракъ, смыкались адъ и рай;
То былъ мятежный край смутъ, прихотей, коварства;
То было бурное, взволнованное царство,
Гдѣ не могли сдержатъ ни сила, ни законъ
Сомнительный вѣнецъ и зыблущійся тронъ; —
То былъ подымтый брегъ надъ хлябью океана,

Опасно движимый дыханіемъ вулкана;
Но жаръ тропическій, но климатъ золотой,
Но свѣтлыя холмы страны заповѣдной,
Любви неопытной суля восторгъ и вѣгу,
Манили юношу къ таинственному берегу.»

Каково?!?! Я нахожу это превосходной выдумкой. Иначе съ этими господами нельзя! Ну-ка, господа! попробуйте-ка пораздуть немножко вотъ это? преувеличить эту кашку? сдѣлать изъ этой вещицы пародію? Посмотримъ ваше искусство!

Отлично мудрая мѣра! Остро.... и для себя безопасно.